

**БОЕЦ
ДЕСАНТНОЙ
БРИГАДЫ**

Равиль БИКБАЕВ

МОСКВА 2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б60

Бикбаев, Равиль Нагимович.

Б60 Боец десантной бригады / Равиль Бикбаев. —
Москва : Эксмо, 2019. — 352 с.

ISBN 978-5-04-099645-2

«Шестое чувство» однажды спасло жизнь ему и его соратникам по десантной бригаде...

- Эта книга — яркое, объемное восприятие афганской войны девятнадцатилетним парнем. Он видел ее из самого дна адского котла. Он пропустил ее через свое сердце — сердце еще совсем молодого, непорочного и наивного парня.

- Многие офицеры в Афганистане вели дневники, чтобы не забыть детали. Солдатам это было запрещено особым отделом, и они могли надеяться только на свою память. Равиль был солдатом и запомнил всё. В мельчайших деталях.

- Кровь и боль. Стоны раненых. Белые лица погибших. Слезы на глазах крепких и сильных мужиков. Испепеляющая жара. Потрескавшиеся от жажды губы. И... и глаза матери, которая дождалась его с войны живым...

В учебном подразделении этот солдат пользовался репутацией разгильдяя. Но вот он попал в Афган — и все лишнее и показушное в его характере стало стремительно исчезать, уступая место по-настоящему волевым качествам. И в нем вдруг обнаружилась невероятная способность — интуитивно чувствовать врага. Он угадывал приближение «духов», когда даже опытные бойцы и дембеля не выказывали никакой тревоги.

Роман вызывает острое желание верить. Верить или в Бога, или в чудо, или в боевое братство.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-099645-2

© Бикбаев Р.Н., 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

*Солдатам и офицерам
56-й гвардейской отдельной
десантно-штурмовой бригады
и в их числе моим товарищам — бойцам
и командирам первого парашютно-
десантного батальона
посвящаю.*

Предисловие

Сразу хочу оговориться: хотя приведенные здесь данные об операциях подлинные — это не документальная повесть. В книге даже не столько вымысел, сколько группирование разрозненных эпизодов в цельное повествование.

Если эту повесть прочитают ребята, которые служили вместе со мной, то, безусловно, они легко узнают всех героев этой книги. Многие из них живы и здоровы по сей день, и поэтому я меняю их имена, фамилии, звания.

И еще... Это была война, и мы все на ней были далеко не ангелами и совсем не образцовыми героями. Осталось только добавить, что эта повесть — не исповедь и мне не нужно отпущения грехов.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Афганистан. Провинция Кундуз. 1981 год от Рождества Христова. 1402 год по Хиджре — мусульманскому летоисчислению

А если что не так — не наше дело:
Как говорится, Родина велела!
Как просто быть ни в чем не виноватым
Совсем простым солдатом, солдатом...
Б. Окуджава

Выписка из боевого формуляра в/ч 44585¹

п/п	Время проведения	Привлекаемые подразделения	Район боевых действий	Примечания автора
20	26.09.1981 04. 10.1981 г.	1-й ПДБ*	Афганистан Файзабад	Боевые действия велись совместно с 860-м ОМСП**

¹ Боевой формуляр 56-й отдельной десантно-штурмовой бригады — в/ч 44585. Документ, в котором отражены задачи, выполняемые воинской частью. В данной повести в формуляре указаны только те боевые действия, в которых участвовал первый парашютно-десантный батальон. Указанные операции входили в месячные планы, утвержденные командующим 40 А. Реализация разведывательных данных по согласованию со штабом 40 А, операции по сопровождению колонн, боевые выходы на внезапно возникающие задачи не отражены.

* ПДБ — парашютно-десантный батальон.

** ОМСП — отдельный мотострелковый полк.

РАВИЛЬ БИКБАЕВ

— А-а-а, ма... ма..... мамочка, как больно! — истошным воплем заходится Семка Давыдов.

От испытываемой муки искривилось круглое мокрое от пота лицо: перебита артерия на ноге, хлещет из раны кровь и черными мокрыми пятнами расплзается по заплатам выцветшим штанам.

Не зови маму, солдат, не поможет она тебе, там, далеко, дома, молится она за тебя, нет тут твоей мамы, а есть мы, твои товарищи, и, наложив жгут поверх раны, колет тебе лежащий рядом санитар-структор уже пятый тубик промедола¹, но не снимает тот боль в раздробленной разрывной пулей дрожащей ноге; и ты, плача, кричишь:

— Мама! Мамочка... помоги!..

Афганистан. Горный массив под Файзабадом, третий день боевой операции, время где-то около полудня. Нашу выдвинувшуюся впереди батальона роту зажали в горах. Солнце светит всюду, жара невыносимая, теней почти нет. Мы на горной тропе как на ладони, бей не хочу. У нас пятеро раненых, двое из них тяжелых. Отстреливаемся, да что толку, бьют по нам духи с господствующей высоты из пулеметов, укрыться почти негде, еще пару часов, и все... не будет больше нашей роты... все тут поляжем...

Не переставая, надсадно воет Семка, командир расчета АГС-17 «Пламя»², и все трясется и трясет-

¹ Промедол — сильнодействующее обезболивающее средство. Один шприц-тубик промедола входит в индивидуальную аптечку.

² АГС-17 «Пламя» — 30-мм автоматический станковый гранатомет, скорострельность 350–400 выстрелов в минуту, оптический прицел имеет трехкратное увеличение. Площадь поражения одной гранаты (ВОГ-17М) — 9 кв. м.

БОЕЦ ДЕСАНТНОЙ БРИГАДЫ

ся у него разбитая на мелкие косточки нога. А чуть дальше от него хрипит истекающий едким вонючим потом раненный в грудь Мишка Старков и просит:

— Воды, дайте воды!

Нет у нас воды. Давно уж выпили. Пустые фляжки. И тихонько уговаривает Леха лежащего за камнем раненого:

— Нельзя тебе, Миша, воды, потерпи.

— Да пошел ты на...! — орет весь посеревший от потери крови Мишка и задыхается от крика. Кровь пузырями пошла изо рта.

Я лежу от них в трех метрах, вжался в землю, за камнями голову прячу. Весело, тоненько посвистывают пульки. Слушая их посвист, машинально отмечаю: не моя, не моя. Год я уже служу в Афгане, вот и знаю, что свою пулю не услышишь. Раз посвистывает — значит, не моя. А чья?

— Твою мать! — слышу полное злобы и боли матерное ругательство. Оглядываюсь: ранен Сережка Ольжин.

— Куда тебя?

— В ногу, — хрипит Серега и тут же предупреждает: — Ты ко мне не лезь, сам перевяжу! — Сморщившись, советует: — Меняй позицию, пристрелялись к нам.

Сил нет слушать вопли и крики раненых: помочь-то ничем не можешь, даже вынести их нельзя. Встанешь, потащишь, тут же убьют, а позицию точно пора менять: помедлишь — подстрелят. Извиваясь, я быстро переползаю по горячим острым камням вперед к валуну. Рвется выцветшее

РАВИЛЬ БИКБАЕВ

ветхое х/б, на лоскуты расползается. Ничего, будем живы — зашьем. За большим выщербленным камнем устанавливаю на сошках свой пулемет, прикидываю, куда стрелять. Наметил. Вот ты где! Вижу, вижу тебя, гаденыш, вон ты на противоположной горке за кучкой камней укрылся. Дзинь! Рядом со мной ударила в камень пуля. Выстрелил в меня дух и дальше стреляет. Фьють! Дзинь! Летят пущенные в мою сторону пули, видит меня дух и бьет по мне короткими очередями из пулемета. Мимо! Мимо! Ну а теперь ты, паскуда, держись... Прицел пятьсот, огонь! На тебе — жри, падла! Длинными очередями из своего РПКСа¹ веду огонь. Досыта тебя, сука душманская, свинцом напою. Состязаемся с духом-пулеметчиком в смертной огневой игре. Ты меня хочешь убить? А я тебя! Огонь! Разрывая воздух, все посвистывают и посвистывают пульки. Не моя, не моя, по-прежнему краем сознания отмечаю я. Быстро вытер рукавом грязного х/б мокрое от соленого пота лицо. И опять: огонь! Я лучше стрелял — на военном полигоне в Гайджунае учился, а здесь, в Афгане, шлифовал свое стрелковое умение. Вот и загасил его. Да только не один он был, штук пять пулеметов по нам било, расстояние между горами метров пятьсот, для стрельбы из пулемета самая та дистанция, убойная. А тут еще и душманские снайперы подключились. Прямо скажем, хреновые снайперы, только ведут огонь все опаснее и опаснее, все ближе и ближе пульки ло-

¹ РПКС-74 — ручной пулемет Калашникова, десантный вариант с откидным прикладом. Калибр — 5,45 мм. Емкость магазина, 45 патронов.

БОЕЦ ДЕСАНТНОЙ БРИГАДЫ

жатыся. «Не моя, не моя, пока еще не моя»; брызгают в лицо каменные крошки: чуть не попал в меня снайпер, совсем рядышком с головой пуля ударила в камень. Грязной ладонью протираю запорошенные крохотными каменными крошками глаза и стреляю. Стреляю! Стреляю! Пока жив, буду стрелять. Летят выпущенные из моего пулемета пули. Прячутся за камни духи — и дробят, щербатят горные валуны мои пули. Ствол пулемета раскалился, плюнь — зашипит; я расстрелял уже три магазина, и всего-то за пару минут. И страха особого нет, и азарта нет, душа словно оцепенела, безразлично на все смотришь, только горло от жажды сохнет. Прицел! Ловлю в прорези прицела снайпера. Огонь! Бьет отдачей приклад пулемета, летят отстрелянные горячие гильзы. Мимо. Прицел! Огонь! И в меня уже стреляют двое: снайпер и пулеметчик. А ведь убьют они меня, у этой парочки господствующая высота, лучшие заранее подготовленные укрытия, и долго мне не продержаться. Огонь! Впустую клацает затвор, нет патронов. Сменить магазин в пулемете и опять — огонь! Убьют так убьют, да и черт с ними, зато больше в караулы ходить не буду. Сверлят слух крики раненых, все свистят и свистят пульки, захлебываются ответным огнем автоматы и пулеметы расплзшихся по тропе бойцов второй роты. Недолго нам, братцы, жить осталось, ох и недолго...

— Ребята! Вертушки!!!

Голубое осеннее небо безоблачно. От яркого, жаркого, слепящего глаза афганского солнца летят три точки. Закладывая вираж, выходят на боевой разво-

РАВИЛЬ БИКБАЕВ

рот вертолеты «Ми-8», а мы красными сигнальными ракетами задаем им направление. Духи переносят огонь на вертушки, летят навстречу нашим пилотам огненные трассеры. Не бойтесь, ребята! Мы зажмуривать глаза и прятать за камни головы не будем, мы вас с земли огнем прикроем. Потом сочтемся.

Мы ведем по позициям духов безостановочный огонь, даже раненые, кто шевелиться мог, и те за оружие схватились, — не даем мы им, сукам, головы поднять, не даем сбить наших ребят.

С нашей позиции хорошо слышно, как с ревом моторов, рассекая винтами воздух, пикируют на духов вертушки. Первый заход — ракетами! От разрывов будто вскипает на огневых точках духов земля, летят взброс камни. Дрожит от разрывов чужая земля. Так их, братцы! Задайте им! Взмыли вверх машины, развернулись на второй заход и снова бьют из авиационных пушек и пулеметов. Будете знать, сучары душманские, как мы воевать умеем!

Спасибо, летуны! Спасибо вам, братцы! От всей роты спасибо! За то, что спасли вы нас, за то, что увидят матери своих сыновей. Не полегла в том бою наша рота — дальше пошла по горам.

А броня на вертушках была слабая, эту броню насквозь пуля из ДШК¹ пробивала. Сбитые экипажи заживо горели в своих машинах, погребальными кострами догорали на земле. Не мед и у летчиков была служба.

¹ ДШК — пулемет Дегтярева—Шпагина крупнокалиберный. По лицензии ДШК производился в КНР. ДШК в качестве тяжелого вооружения часто использовался отрядами душманов.

БОЕЦ ДЕСАНТНОЙ БРИГАДЫ

Подавили вертолеты огневые точки. С камнями, с железом и огнем смешали позиции духов. Оставшиеся в живых моджахеды перебежками уходили от разрушенных укрытий. В прицеле хорошо видно, как, пригибаясь под нашим пулями, вразброд бегут вооруженные, одетые в разномастные халаты люди. И падают, падают под нашим беспощадным снайперским огнем.

— Подрань-ка одного, нам «язык» нужен! — перекрывая грохот стрельбы, кричит мне лежащий рядом командир взвода лейтенант Петровский. Ожесточившееся от азарта, его загоревшее скуластое лицо скривилось, потрескались от жажды губы, и он, срывая пересохшие голосовые связки, опять кричит мне:

— «Языка» давай!

Я прицелился. Из штатного и такого родного РПКС-74 я стрелял лучше, чем из снайперской винтовки. Выстрелил одиночным. Потом короткой очередью. Цель поражена. Моджахед на бегу упал — пуля перебила ему ногу. К нему на помощь бросились два духа, — я тотчас отсек их очередями. Боец из моего взвода, рослый, наголо стриженный загорелый Филон, с автоматом наперевес матерым волчарой кинулся брать «языка», а я стал его прикрывать огнем. Филон ловко скрутил духа и на горбу, задыхаясь и матерясь, притащил к нам. Бой закончен. Остатки разгромленной душманской засады бежали. Кто не успел бежать, бесформенными грязными мешками лежат там, в горах, там, где они хотели убить нас. А мы, кто жив и не ранен, сгрудились вокруг афганца. У нас не лица, а ис-

каженные злобой и напряжением минувшего боя маски. Пленный, тяжело дыша, постанывал. Немолодой уже мужик. Кровью, грязным потным телом от него так воняло, что хоть нос зажимай. Нет у нас к нему жалости и милосердия тоже нет.

— Заткни пасть! — кричит духу мой друг, смуглый плотный узбек Леха, и жестким коротким ударом бьет прямо в бородатое искаженное болью и страхом лицо.

— Прекратить! — отталкивает Леху взводный, приказывает: — Перевязать и в штаб на допрос.

«Языку» быстро пережали самодельным, скрученным из засаленной зеленой чалмы жгутом рану (свой бинт из индивидуального пакета никто не дал — чего там, и так перебьется) и поволокли на допрос к командиру батальона. Я вызвался помогать Филону его нести. Тяжелый бабай¹ попался, все постанывал да еще вертелся в руках.

— Кто его подстрелил? — рассматривая «языка», поинтересовался немолодой сухощавый майор, комбат.

Филон небрежно кивнул в мою сторону.

— Вернемся — к медали представлю, — пообещал мне комбат, усмехнулся: — На дембель героем поедешь.

Эх, майор! Ни хрена ты не понимаешь! Да зачем мне эта медаль нужна? Просто живым домой вернуться — и то счастье. А комбат уже отвернулся и через переводчика приступил к допросу. Командиру первого парашютно-десантного батальона

¹ Бабай — буквально: дедушка. Бабай — на солдатском жаргоне — презрительная кличка душмана.

БОЕЦ ДЕСАНТНОЙ БРИГАДЫ

майору Носторюлину уже за сорок. Для нас, восемнадцати-двадцатилетних пацанов, он уже старик. Только «батей» его никто не называл. Желчный был мужик, вредный. Карьера не задалась, в академию поступал, так три раза проваливался. Должность командира батальона и звание майора — это его потолок. Скоро его выпихнут на пенсию по достижении предельного возраста. Уволят, если в Афгане гробовой доской не накроется. Пуле плевать, в кого попадать, а душманские снайперы первым делом офицеров выцеливают. Пуля, она не дура, совсем не дура, особенно когда ее снайпер выпускает.

На допросе раненый моджахед молчал.

— В расход! — коротко приказал мне комбат.

Замер, глядя на пленного, переводчик, неопределенно хмыкнул, глядя на меня, начальник штаба батальона — плотный и невысокий кореец, капитан Эн; быстро повернулся ко мне спиной и стал копать в полевой рации связист, отвел от пленного взгляд угрюмый Филон.

Я покачал головой: нет. Совесть и руки я на той войне не марал. Кровавого дерьма там и без того хватало.

— Так-с! Видно, я поторопился, обещая тебе награду, — с угрозой процеживая каждое слово, бросил комбат, и его небритое в потных разводах морщинистое лицо скривилось в недовольной гримасе. — По тебе не медаль, а дисбат плачет. Ничего, вот вернемся, я с тобой быстро разберусь.

И отдал ту же команду стоящему рядом с ним батальонному писарю, а писари иной раз тоже на